

Вспоминает Иван ЛУПАНДИН¹

Нору Николаевну Рубашову² я встретил 12 ноября 1978 года. Меня к ней привел отец Георгий Фридман³ (тогда он не был еще священником, а просто Георгий Давыдович), с ним я познакомился в доме у Ольги Владимировны, тоже доминиканки, но петербургской терциарки. Ольгу Владимировну принял в Доминиканский орден епископ Иоанн Амудрю, доминиканец. Она была индивидуальной терциаркой, регулярной монахиней не стала, вышла замуж за капитана дальнего плавания. Хотя детей у них не было, но семейная жизнь как-то отдалила ее от регулярного общения с доминиканками. После смерти мужа она стала более активной, собрала вокруг себя молодежь и людей постарше, часто в гостях у нее бывал Георгий Давыдович Фридман.

Он привел к ней одного молодого человека, немножко больного, бежавшего из православия из-за священника, который его постоянно отчитывал, считая, что он одержим нечистым духом. Как-то после неудачной отчитки священник сдал его в психушку. Травмированный таким отношением к себе, под влиянием Георгия Давыдовича, молодой человек стал посещать костел, где и познакомился с Ольгой Владимировной и другими католиками. Он-то и привел меня к Ольге Владимировне. Ее я увидел уже пожилой женщиной, очень любвеобильной, доброй, интеллигентной, даже утонченной в каком-то смысле, знающей свободно французский язык и что-то переводившей с него. У нее я познакомился с Георгием Давыдовичем. Потом я ее встречал еще несколько раз, она умерла, по-моему, в конце 80-х или в начале 90-х годов.

Георгий Давыдович привел меня к Норе Николаевне, сказав: *«Вот вам молодой человек, который интересуется католичеством, может быть, он сможет вам помочь»*. Правда, тогда о помощи речь еще не шла, но постепенно я действительно стал помогать по хозяйству. Старый одинокий человек — невозможно было сидеть у нее и ничего не делать. Наше знакомство началось с того, что она попросила меня тонко нарезать орловский хлеб, она только его признавала. Это было сказано без всяких там *«извините, если вам не трудно»*, без юмора, довольно жестко: *«Нарежь, пожалуйста, тонко хлеб»*, — и я понял, что это человек серьезный. Но главное, мы с ней много общались на духовные темы — это нас и сблизило.

Я стал часто бывать у нее: в основном, через день, но бывали периоды, когда мы с ней виделись ежедневно. Это тесное общение с ней продолжалось до ее смерти, почти девять лет. Действительно, она делилась со мной какими-то воспоминаниями, я встречал у нее в доме многих ее знакомых. В Норе Николаевне чувствовался человек, всецело посвятивший и отдавший себя католичеству, Христу, Доминиканскому ордену, не знаю, в каком порядке это называть. Человек, много

¹ Светский брат Викентий. Интервью проведено Маргаритой Курганской. Текст интервью расшифрован Евгением Крашенинниковым.

² Рубашова Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна. Справка на нее и нижеследующих приведена в конце статьи, в "Алфавите упоминаемых лиц".

³ Фридман Гергий Давыдович, известный ленинградский музыкант, саксофонист, в 32 года впавший в депрессию, так называемую, черную меланхолию, и крестившийся в костеле по совету приятеля-художника, ставшего католиком в лагере. В начале 70-х годов он познакомился с сестрами в Вильнюсе, а потом и с Норой Николаевной. С 1979 — католический священник.

пострадавший и не сломленный, как бы не согбенный под тяжестью перенесенных страданий.

Но в ней не было интеллигентной какой-то мягкости, тонкости, может быть, чуткости ей не хватало, по-видимому, такие качества не способствуют выживанию в тех условиях, в которых она жила. Очевидно, нельзя ожидать, чтобы люди, прошедшие лагеря, были мягкими, кроткими, чувствительными, — такие люди там погибали или сходили с ума. Так что она была человеком более строгим, можно сказать даже, суровым. При этом интеллектом она, может быть, превосходила Ольгу Владимировну, то есть знанием людей и их психологии, прежде всего, что в лагере предельно обостряется. Так она, конечно, сразу же меня раскусила, увидела мои недостатки: мою несдержанность и просто житейскую глупость, мягкость некоторую, — в отличие от Ольги Владимировны, для которой я был просто молодым человеком, *«приятным во всех отношениях»*.

Она, естественно, сразу поняла, с кем имеет дело, и я сразу же это почувствовал. Это внесло в наши отношения элемент очень глубокой серьезности, когда нельзя просто прервать их, допустим, не ходить какое-то время без объяснения причин и так далее. Я понимал, что с Норой Николаевной можно строить отношения либо очень серьезные, либо никак. Я заметил потом, что и многие люди, которые были вокруг нее, тоже понимали, что это человек серьезный, и отношения с ней надо было строить серьезно. Она была человеком глубоких убеждений и христианских, и специально католических, доминиканских и просто общечеловеческих, говорила всегда серьезно, веско, даже, можно сказать, без особого чувства юмора⁴.

Поскольку я до этого был у старцев Псково-Печерского монастыря, людей весьма серьезных, то меня это не шокировало, наоборот, даже понравилось. Я понял, что с коммунистами иначе не справиться, только такие люди побеждают, как Нора Николаевна⁵. Они умеют и выжить, и, в случае чего, достойно умереть, не уронив своего достоинства, не опустив головы (я думаю, что это формация доминиканская, католическая, отчасти лагерная). Позднее отец Александр Хауке-Лиговский сказал о ней, что у нее есть все качества вождя: ум, воля, и, кажется, личная святость. Действительно, в ней была и воля, и твердость — безусловно, качества вождя. Она умела и была призвана, видимо, руководить людьми, и хорошо это делала, со знанием своей ответственности и долга. Есть различие между вождем и святым. Кто-то сказал: *«Если ты святой, то молись за нас, а если ты благоразумный, то управляй нами»*, — то есть святой и вождь — это не одно и то же.

Про свое детство в еврейской семье в Минске она рассказывала, что часто плакала там, что-то не получалось у нее. В Москве полюбила

---

⁴ Я помню, мы с ней однажды ехали в Вильнюс. Я должен был заказать билета для нас, и она попросила: *«Обязательно напиши, чтобы дали нижнее место»*. Но на конверте для заказа не было такой графы: нижнее или верхнее. Я сделал заказ в надежде, что из двух мест будет одно нижнее. Но мои надежды не оправдались — принесли два верхних места, и я получил от Норы Николаевны внушительный нагоняй. Казалось бы, такая мелочь, но для нее это было серьезно: *«Как же так, я тебя просила, а ты так вот»*. Короче, такие мелочи для нее были важны.

⁵ Как-то, читая Хемингуэя "По ком звонит колокол", где описывалось, как восставшие революционеры в одном селе убивали, жестоко избивая при этом, фалангистов, в том числе, и священников, я понял, что с этими людьми, попав в такую передрагу, — не до сантиментов.

театры, очень увлекалась актером Михаилом Чеховым и ходила на все его спектакли во МХАТе. Крестилась она в 1926 году по убеждению, будучи студенткой I курса историко-филологического факультета второго МГУ, куда с трудом поступила, как дочь враждебного элемента. Она мне рассказывала, что думала тогда о смысле жизни, у нее были даже мысли о том, что жизнь бессмысленна, и честнее — покончить с собой, просто пустить себе пулю в лоб.

Видимо, она пережила какой-то кризис, так что вера стала спасением от самоубийства. Почему она выбрала католичество, именно греко-католическую Церковь, почему пошла креститься к отцу Сергию Соловьеву⁶, — не знаю, она об этом не говорила. Вскоре после крещения она стала индивидуальной терциаркой, ездила к сестре Стефании Городец⁷ в Кострому, встречалась там с сестрами. При этом продолжала ходить в театры и вести обычную жизнь, никаких особых ограничений на нее не возлагалось.

В 1923-1924 годах Абрикосовская община была разогнана, сестры и игуменья Анна Ивановна арестованы и осуждены, но отец Сергей Соловьев продолжал служить более или менее легально на Малой Грузинской в одном из боковых алтарей соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии на Малой Грузинской улице. И он даже имел, по моему, какие-то полномочия от епископа Неве как заместитель экзарха русских католиков отца Леонида Федорова⁸. И более того, встречался с отцом Леонидом Федоровым, когда тот приезжал в Москву. Нора Николаевна рассказывала: она села в трамвай, чтобы ехать в костел на Малой Грузинской, и заметила, что какой-то очень представительный человек в рясе и в чем-то монашеском шел с ней рядом. Она подумала, что это православный священник. Потом видит, что он выходит с ней на одной остановке и идет туда же, куда и она. Потом выяснилось, что это, оказывается, экзарх Леонид Федоров.

Нора Николаевна стала духовной дочерью отца Сергия Соловьева, она в храме исполняла роль чтеца. Когда ему запретили служить в костеле на Малой Грузинской, то члены общины последние два года перед арестом собирались и молились по домам. За полгода до ареста на факультете ее завели в какую-то комнатку, и состоялась ее беседа как бы с представителем органов, который предложил ей сотрудничать. И, по ее словам, она показала ему "двойной фиг", изобразив его как-то с помощью руки, то есть она наотрез отказалась, причем, с таким даже вызовом, что, конечно, не облегчило ее дальнейшую судьбу. Ей, правда, вежливо сказали: «*Пеняйте на себя*». Если бы она согласилась, может быть, ее миновала бы эта тяжкая участь, так что не знаю, что было бы — сократила она свою жизнь или удлинила, но душу свою, конечно, сберегла от позора.

Закончить университет и получить диплом ей не удалось, так как 15 февраля 1931 года она была вместе со всеми членами общины отца Сергия Соловьева арестована по обвинению в шпионаже и приговорена к 5 годам лагерей. Эта статья обвинения — шпионаж — очень неприятна, поскольку связана с требованием усиленного конвоя на этапах и общих работ в лагере. Так что она хлебнула достаточно, отсидев пять лет от звонка до звонка и по всей строгости закона, и только за участие в

⁶ Соловьев Сергей Михайлович, католический священник восточного обряда.

⁷ Городец Вера (Стефания) Львовна.

⁸ Федоров Леонид Иванович, католический священник восточного обряда, экзарх русских католиков

молитвенной группе. Никаких амнистий, ничего, хотя в момент ареста ей был всего двадцать один год.

Из лагеря Нора Николаевна вышла совершенно другим человеком, она уже поняла, что есть что в этой жизни, что есть зло, воплотившееся в систему советскую, и она уже решила, что серьезно посвятит себя Богу и Доминиканскому ордену. О лагерной жизни она рассказывала редко, только иногда вспоминала отдельные случаи. Например, как в день убийства Кирова лагерное начальство, как возмездие "врагам народа", заставило всех заключенных в мороз спать в палатках без одеял.

После лагеря Нора Николаевна была освобождена с ограничением проживания и года два прожила в Мичуринске, где один знакомый по университету (ставший позже православным священником) дал ей работу в Ботаническом саду. Восстановив связь с сестрой Стефанией Городец, Нора Николаевна после Мичуринска переехала к сестрам в Малоярославец. Там они жили общиной, шесть или восемь человек, и сестра Стефания была настоятельницей. Жизнь там была суровой во всех отношениях: много работы, очень строгая дисциплина, моления и посты. Ездили раз в один-два месяца в Москву в храм Св. Людовика, где причащались, исповедовались и получали какую-то помощь.

Епископа Пия Неве уже не было, он в 1936 году выехал во Францию и не вернулся, так как ему не дали въездной визы. Кстати, он видел Нору Николаевну, когда она после освобождения из лагеря вернулась в Москву и подошла к нему в храме. Он принял ее очень ласково, но после этой беседы Нору Николаевну задержали и сразу же отправили из Москвы. От нового настоятеля храма Св. Людовика, отца Леопольда Брауна также получала деньги, через него держали связь с Ватиканом, хотя это было запрещено.

Примирения с властями не могло быть, потому что это были две идеологии, совершенно несовместимые друг с другом; причем, именно идеология практическая, если в Православии идеология, в общем, созерцательная, которая может как-то ужиться даже с монгольским нашествием, и, может быть, с коммунистами, то католичество не может ужиться ни с монголами, ни с турками, ни с коммунистами, то есть здесь борьба не на жизнь, а на смерть. И, конечно, отец Леопольд, безусловно, делал все, что в его силах, чтобы облегчить судьбу католиков, и, вообще, христиан здесь. И Нора Николаевна ему всячески в этом помогала и информировала, наверное, обо всем, что могла узнать (хотя что могла сделать группа женщин и один священник, но что-то делали, по крайней мере, Запад знал, с кем он имеет дело, благодаря деятельности отца Леопольда и его докладом).

В 1941 году арестовали сестру Стефанию Городец, но началась война, и ей дали только 5 лет ссылки, может, просто не до нее было. Сначала к ней в Казахстан поехала помогать Галина Фаддеевна Енткевич, а после ее смерти (она скончалась там от воспаления легких) община направила в помощь старшей сестре Нору Николаевну. Сестра Стефания жила как ссыльная, а Нора Николаевна как вольнонаемная и работала там в школе.

Во время войны сестры в Малоярославце попали на некоторое время в оккупацию. С немцами, занявшими город, было два католических священника, которые сопровождали воинскую часть. Они, конечно, установили связь с сестрами-доминиканками, служили у них, один из них, как вспоминает Нора Николаевна, был, по ее словам, "хох дойче", то есть

очень националистически настроенный священник. Я спросил Нору Николаевну:

— Тот "хох дойче", он не выдал, что здесь живут две еврейки?

— Ну, это же католический священник, он националист, но не до такой же степени (то есть все-таки католик есть католик и священник есть священник, в общем, какая-то католическая солидарность, безусловно, была).

Но когда пришли советские войска, то Терезу Кугель арестовали и отправили на пять лет в лагерь за «сотрудничество с немцами», так как она работала в госпитале и почему-то не была как еврейка расстреляна немцами. Под следствием была и Валентина Васильевна Кузнецова за то же самое. Но ее все-таки потом выпустили. И община опять была фактически разгромлена: сестра Стефания в ссылке с Норой Николаевной, Галина Фаддеевна умерла в ссылке, сестра Тереза в тюрьме, — так что почти никого там и не осталось. За старшую осталась Валентина Васильевна.

Валентина Васильевна из семьи пятидесятников, человек мистический, политическая сторона противостояния Запад-Восток, Католическая Церковь и Запад демократический — Советы и коммунисты ее практически не интересовали, она была погружена в какую-то внутреннюю, духовную, созерцательную жизнь, была как бы человеком не от мира сего. Поэтому я думаю, что никаких особых отношений с отцом Леопольдом не было, и, пока не вернулась из ссылки сестра Стефания, никого больше не трогали.

К 1946 году в храме стали появляться новые люди: Ирина Ивановна Софроницкая, Маргарита Сергеевна Шарова, она, правда, в то время была уже в ссылке, кто-то из студентов, — в общем, появилась новая поросль. И все это было, естественно, известно ГБ-шникам. В Малоярославец вернулись две сестры Абрикосовской общины: в 1946 году из ссылки вернулась Вера Львовна Городец, потом приехала Софья Владиславовна Эйсмонт, освободившаяся после длительного срока, которой она получила по одному делу с Анной Ивановной в 1933 году, причем, в лагере ее держали, как говорится, до особого постановления, то есть до окончания войны. Они с Валентиной Васильевной составили костяк общины, к которому присоединилась Нора Николаевна и вернувшаяся из лагеря Тереза Кугель.

ГБ казалось, что эта община как какая-то гидра многоголовая, отрубили несколько голов — опять выросли, то есть их и лагеря не берут, они возвращаются после двенадцати лет лагерей, как Софья Владиславовна, и не едут куда-то на край света спасаться, а опять туда же, в самое пекло. И сестра Тереза Кугель, и Нора Николаевна, и другие. Я бы на месте ГБ тоже забил тревогу, просто даже мистически как-то: людей травят, травят, а они все возрождаются, и ни в какую. А тут еще тем более начался новый виток "холодной войны".

Короче, была арестована большая группа прихожан храма Св. Людовика: Алиса Бенедиктовна и Алиса Альбертовна Отт, Ирина Ивановна Софроницкая и другие, а также все сестры в Малоярославце. Вера Александровна Хмелева была арестована на некоторое время, приговорена к ссылке, но вскоре освобождена. Активно использовали показания Ирины Софроницкой, которая, конечно, по молодости лет все подписала, что от нее требовалось. Нора Николаевна мне рассказывала, что та все подписала, во всем созналась, даже в том, что молилась за

смерть Сталина. Это были главные обвинения⁹. Против сестер из Малоарославца были использованы показания Веры Александровны Хмелевой, хотя она уже не жила в общине и только изредка виделась с сестрами. Она дала, как я понял, общие идеологические показания против Ватикана и Доминиканского ордена, объяснив, как опасны они для советской власти.

От матери и дочери Отт не смогли получить нужных показаний так же, как и от сестер. Все получили большие сроки, кроме тех, естественно, кто все подписал, — по десять-пятнадцать лет лагерей (кроме Алисы Альбертовны Отт, которая во время следствия сошла с ума и была направлена на принудительное лечение в спецбольницу МВД). Нора Николаевна тоже получила пятнадцать лет; следует заметить, что во время следствия ее, по крайней мере, ни разу не били, да и матом ее не крыли, в общем, какое-то было внешнее уважение, холодное, может быть, злое, но все-таки уважение. Единственной, кому из сестер, может быть, более-менее повезло, это Терезе Кугель. Ее признали невменяемой, и отправили на принудительное лечение, а потом выпустили. В 1951 году она уже поселилась в Вильнюсе. Остальные сидели до 1956 года, когда постепенно началось массовое освобождение заключенных из лагерей.

К 1959 году сестры были на свободе, никто не умер, все выжили и вернулись. И вот тут началось что-то странное. Как потом рассказала Маргарита Сергеевна Шарова¹⁰, сестры собрались и избрали настоятельницей общины Валентину Васильевну Кузнецову. Я лично не знал Веры Львовны Городец, прежней настоятельницы, но по рассказам Норы Николаевны очень живо ее представляю. Имея два высших образования, она была человеком социально активным, политически идейным, философом, обладала поэтическим даром. Вся она была как бы в земном мире, и девизом ее всегда было — земное переустройство мира (так мы представляем себе активное католичество).

А Валентина Васильевна, как я уже говорил, была созерцателем, мистиком, как бы не от мира сего, мыслями она была давно там, в будущем мире, ее мало интересовало все земное. И, видимо, сестрам это больше нравилось, или они, может быть, за время отсутствия сестры Стефании Городец привыкли к Валентине Васильевне. Итак, решено было всем жить в Вильнюсе под началом новой настоятельницы. А сестра Стефания не смогла это пережить, переступить через свою гордость. И она осталась в Москве у Норы Николаевны, которая как репрессированная получила в Москве квартиру, поскольку отсюда была арестована. У Норы Николаевны в Москве жил брат, который ей очень помогал, отправляя посылки в лагерь, можно сказать, что он ее ими спас от голодной смерти¹¹.

Нора Николаевна работала в библиотеке, Вера Львовна была уже на пенсии, жили они скромненько, мебель брали с помойки. Знаю, что сестры из Вильнюса долгое время не поддерживали отношения с сестрами в Москве, только позднее как-то немножко смягчились, а после смерти сестры Стефании вильнюсские сестры стали приезжать к Норе Николаевне, да и она стала изредка ездить туда. У Норы Николаевны стали собираться как известные (например, Арсений Тарковский, была

⁹ Основные показания против матери и дочери Отт и других обвиняемых дал специально привезенный из лагеря агент-осведомитель. — Прим. сост.

¹⁰ Нора Николаевна об этом не рассказывала.

¹¹ Он женился, родилась племянница в 1956 году, которую Нора Николаевна очень любила.

связь и с Солженицыным), так и неизвестные, но совсем другие люди, получилось что-то новое. С 1951 года в храме Св. Людовика служили священники из Литвы и Латвии, уже специально подобранные органами МГБ, так что с ними у сестер не было ни общения, ни поддержки.

Потом в доме Норы Николаевны появился молодой, полный сил и энтузиазма Георгий Давыдович Фридман, священник, духовно и материально ее опекающий. В Вильнюсе из всех сестер ему больше понравилась сестра Тереза Кугель, у него была с ней духовная дружба до самой ее безвременной смерти, она его, как дочь раввина, наверно, лучше понимала. Очевидно, и Нора Николаевна по духу и крови была ему ближе, он стал приезжать в Москву. Примерно в 1972 году завязались тесные отношения с отцами-доминиканцами из Польши: с отцом Зигмунтом Козаром и отцом Александром Хауке-Лиговским. Они приезжали к Норе Николаевне и у нее останавливались.

Георгий Давыдович был активным человеком, вокруг него всегда была молодежь, и он стал центром, вокруг которого стала образовываться новая община: стал доминиканским терциарием его приятель Геннадий Львович Гольдштейн, приезжали из Польши сестры-доминиканки, например, сестра Роза. Таким образом в Ленинграде образовался еще один доминиканский центр. Сам Георгий Давыдович мечтал стать священником, но проблема его была в том, что он был женат, что невозможно для католического священника. С помощью отца Зигмунта он в октябре 1979 года был рукоположен во священники катакомбным греко-католическим епископом¹². И он был очень близким человеком для Норы Николаевны.

Еще я застал у Норы Николаевны Андрея Георгиевича Махина¹³, врача-психиатра, познакомившийся с ней через ее польских знакомых ставшего позже тоже католическим священником, но его судьба сложилась более трагично и в житейском, и в духовном смысле. Его Нора Николаевна очень любила и возлагала на него большие надежды, как на католического священника, который понесет дальше идею доминиканского восточного служения. Он был принят в Доминиканский орден отцом Георгием Фридманом и, по мнению Норы Николаевны и отца Георгия, был уже готов для принятия священства. В 1980 году его с рекомендациями направили в Польшу, где он был рукоположен, став отцом Домиником, но, вернувшись, отказался служить по восточному обряду. Как человек, хорошо знающий все детали и тонкости православного обряда, он был убежден, что тайные богослужения не позволяют выполнить все необходимые условия православной службы¹⁴.

Нора Николаевна была несколько огорчена таким поворотом событий, но надеялась, что все-таки все переменится. Андрей Георгиевич тяжело заболел¹⁵ и, когда он лежал в больнице, то его посетили православные священники из церкви, где он когда-то прислуживал. Они

¹² Принеся обет целомудрия в браке, живя с женой, как брат с сестрой.

¹³ 35 лет, не женатый, православный.

¹⁴ Замечу, что катакомбные православные священники проводили тайные богослужения и все делали прекрасно. Например, на Соловках проводили тайные богослужения в таких условиях, когда спина другого заключенного служила престолом.

¹⁵ У него оказался рак, и его в декабре того же года оперировали, но пошли метастазы. Для его матери, еврейки, факт крещения в православие, а потом принятие сана католического священника был как бы актом предательства, измены. Но его смерть изменила духовное самосознание матери, она стала исповедоваться и причащаться у отца Георгия и умерла христианкой.

пришли исповедовать его. На исповеди он все им рассказал, и они отпустили ему грехи при условии, что он не будет служить как католический священник. Выйдя из больницы, он больше не служил и не причащался в костеле¹⁶. 14 мая 1982 года он скончался, исповедавшись перед смертью у катакомбного православного священника.

Нора Николаевна ходила несколько раз в общину отца Владимира Никифорова, но потом отец Владимир чего-то испугался и перестал ее приглашать "из соображений конспирации" (главной причиной, на мой взгляд, было нежелание отца Владимира иметь в своей общине неофитов два центра). Позже, когда выяснилось, что отец Владимир на следствии всех выдал и в результате был освобожден, Нора Николаевна ничего, кроме презрения, к нему не испытывала. Особенно ее насмешил рассказ отца Владимира о качестве санитарии в тюрьме, что туалеты в виде "параш" и прочее. *«Надо же, он туалета испугался»*.

Так получилось, что Нора Николаевна была свидетелем крушения многих иллюзий и надежд, да еще подкосил всех арест двух греко-католических священников, связанный с письмом к партийному съезду с требованием легализации греко-католиков на Украине. Один из них, отец Рафаил, приезжал в свое время в Ленинград и обучал отца Георгия служить, посланный епископом Павлом Василиком, который его когда-то рукоположил. При аресте отца Рафаила нашли фотографию, где был и отец Георгий, о котором пытались получить показания. Был брошен даже клич: *«Уния проникла в Ленинград»*. Отцу Георгию запретили вообще где-либо появляться и что-либо делать, *«иначе — сказали, — будешь за решеткой вместе со всеми»*. И он из-за шантажа ГБ с сентября 1981 года *«залег на дно»*.

Из людей, близких к Норе Николаевне остались: Юлий Анатольевич Шрейдер¹⁷, который был член партии, поэтому особо не мог вылезать; молодой священник Андрей Касьяненко, рукоположенный в 1980 году и ставший отцом Домиником, но вынужденный срочно покинуть Вильнюс в 1985 году; отец Евгений Гейнрихс, рукоположенный епископом Павлом в декабре 1981 года, тоже вступивший в Доминиканский орден, созерцатель по натуре, никогда не интересовавшийся политикой; две сестры: Аня Годинер и Наталья Леонидовна Трауберг. Среди них не оказалось того лидера, который действительно стал бы правопреемником Норы Николаевны, не дождалась она его и хорошо понимала, умирая, что некому завещать ту идею, на которой держалась Абрикосовская община, что она — "последний из могикан"; в этом была ее трагедия, что с ее смертью исчезает Абрикосовская община и восточная доминиканская духовность.

В Католической Церкви произошли большие изменения, в ней началось как бы обновление, либерализация. Нора Николаевна понимала, что надо было открываться миру и вести диалог с ним, и дух II-го Ватиканского Собора всецело принимала. Но ведь он не исчерпывался только открытостью к миру, Собором были приняты реформы: внесли послабления в монашескую дисциплину, упростили Литургию, перешли с латыни на более понятные народные языки и так далее. А в результате

¹⁶ Похоже, что у Андрея Георгиевича не было твердого убеждения в том, что вера одна. Этими сомнениями, наверное, можно объяснить и его контакты со старообрядцами и споры с ними о том, у кого лучше служба: у православных или старообрядцев.

¹⁷ Шрейдер Юлий Анатольевич — советский и российский математик, кибернетик и философ.

получалось, что люди такой твердой закалки, как она, стали Церкви как бы и не нужны, да и к продолжению традиции восточного обряда совершенно пропал интерес, особенно в Польше.

Рассказывая об уставе и дисциплине в общине Анны Ивановны, Нора Николаевна была убеждена, что любая монашеская община должна быть построена на суровой дисциплине, послушании и покаянии, необходимости приносить в жертву все. Например, в Великий Пост подливать в суп керосин, не менять неделями белье, не принимать душ и так далее. Обязательную и предельную откровенность со старшей сестрой, которую обо всем надо было ставить в известность, запрет ею посещения родственников на неделю, месяц, а то и на год, или вообще отлучение от родных Нора Николаевна считала естественным и не нарушала. Не понимала она, что советское общество постоянно поставляло и поставляет духовные обломки людей, "духовных бомжей", которые пополняют ряды прихожан Католической и Православной Церквей или сект. С ними нужно работать очень мягко, и больше всех может сделать только тот пастырь, который умягчит свое сердце и попытается понять проблемы этих раздавленных, переломанных жизнью людей.

Нора Николаевна не могла этого понять: вот перед ней молодой человек — и уже совершенный духовный инвалид. Она ведь была воспитана в нормальной семье, где и отец, и мать были верующими и, как правило, приличными людьми. Для нее была просто блажь, что люди, живущие в приличных условиях, — не на нарах, с трехразовым хорошим питанием, без необходимости целый день работать на морозе и выполнять непосильную норму, — могут быть глубоко несчастными, лезть в петлю, попадать в сумасшедший дом, болеть, страдать и тосковать. Она не представляла, что Соловки как Соловецкий лагерь особого назначения, можно создать в любом доме, да и лагерь может быть создан дьяволом везде.

К ней нужно было приводить почти идеальных людей, тогда она их доводила бы до окончательного блеска. А когда приходил раздавленный человек, то она терялась, не знала — с чего начать. В ней не было чуткости, понимания, что и сколько нынешний человек сейчас может стерпеть, ведь они сами столько вытерпели. А теперь нужно было быть в большей степени строгим к себе, но милосерднее к другим. У сестер этого понимания никогда не было, они никого не хотели просто приласкать, приголубить, и в этом — секрет их одиночества.

В их общине отсутствовал двойной стандарт: строгость к себе и снисходительность к ближним, в этом — непонимании милосердия Христова — они расходились и с Анной Ивановной Абрикосовой, и с Юлией Николаевной Данзас. Их отношение к людям сводилось к тому, что из ста овец для дела Христова сгодится только одна, эту одну надо найти, обучить и сделать из нее достойного члена доминиканской общины. Сестры хотели нести свое незапятнанное знамя духовности до конца, невзирая на грехи плоти, жадности и так далее. Но когда мир стонет и кричит от боли, то думать в этот момент, что доминиканцы должны только хранить сокровища духовности, не совсем праведно.

Нора Николаевна, может быть, и вписалась в когорту первых исповедников, и ее, возможно, приняли на небесах. Но в настоящее время нужны другие пастыри, плакальщицы вселенские и утешительницы, к которым народ идет, прося исцеления, а там, где строгость и суровость, туда не идут, не обращаются и не исповедуются. Люди не хотят

благодарить Бога за то, что они не на костре, не в камере, не в лагере. Ведь в христианстве первая заповедь — ЛЮБОВЬ. Так что Нора Николаевна была несколько печальна в последние годы; правда, ее радовала начинавшаяся гибель коммунистической системы, происходившая на ее глазах, на нее немного успела дохнуть весна перестройки. На Горбачева она отреагировала довольно живо и сказала: «Всякому зверю верю, а тебе, ежу, погожу», — но это, похоже, чисто лагерная осторожность. Она, в общем, на него смотрела с интересом.

Алфавит упоминаемых лиц

АБРИКОСОВА Анна Ивановна, родилась в 1882 в Москве. Мать умерла во время родов Анны, отец скончался через 9 дней от скоротечной чахотки; воспитывалась вместе с четырьмя братьями в семье своего дяди Николая Алексеевича Абрикосова. В 1903 — окончила Гартонский колледж Кембриджского университета. В 1903 — вернулась в Россию; вышла замуж за В.В. Абрикосова. С 1905 — путешествовала с мужем по Европе, 20 декабря 1908 — перешла в католичество в Париже. В 1910 — вернулась с мужем в Москву, в 1913 — принята в новициат Третьего ордена Св. Доминика под именем Екатерина. В 1917 — после Февральской революции встала с мужем на восточные позиции. После принятия ее мужем рукоположения 19 февраля 1921 — на квартире Абрикосовых была основана женская община сестер-терциарок ордена Св. Доминика, стала ее игуменьей. 12 ноября 1923 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения и отправлена в Екатеринбургский, затем — Тобольский и Ярославский политизоляторах. 9 августа 1932 — освобождена досрочно по состоянию здоровья с запретом проживания на 3 года (-12). Проживала в Костроме, приезжая в Москву для консультаций с врачом, посещала богослужения, тайно встречалась с молодежью на квартирах. 5 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Ярославский политизолятор. 23 июля 1936 — скончалась в Бутырской тюремной больнице.

ГОРОДЕЦ Вера (Стефания) Львовна, родилась в 1893 в Киеве. Получила высшее образование. Проживала в Москве, давала частные уроки. Перешла в католичество, позднее пострижена в монахини с именем Стефания. 10 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в деревню под Тобольском. 9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселилась в Ромнах Полтавской, с 1928 — в Костроме, в 1930 — в Одессе, в 1932 — в Краснодаре, в 1933 — в Ставрополе, с 1934 — в Тамбове. В январе 1935 — арестована по групповому делу. 16-19 ноября 1935 — на судебном процессе оправдана и освобождена. Проживала в Малоярославце, во время войны — в оккупации, в сентябре 1942 — арестована, приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в с. Ново-Шульбу Семипалатинской. В сентябре 1947 — освобождена, вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в инвалидном доме в Ухте. В 1956 — освобождена, выехала в Москву. 25 мая 1974 — скончалась в Москве.

ЕНТКЕВИЧ Галина Фадеевна, родилась в 1896 (согласно документам следственного дела; по сведениям А. Соколовского, родилась в 1895) в Витебской губ., в дворянской семье. Окончила естественное отделение Высших женских курсов по специальности "педагогика". Проживала в Москве, работала учительницей в средней школе. Вступила в Абрикосовскую общину сестер-доминиканок; позднее пострижена в монахини под именем Роза Сердца Марии. В ноябре 1921 — отказалась последовать за семьей в Польшу и осталась в Москве. Переводила и распространяла богословские труды для Абрикосовской общины. 26 ноября 1923 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 5 годам тюремного заключения (по сведениям А. Соколовского, приговорена к 8 годам ИТЛ). Отправлена в Иркутский изолятор. В июне 1929 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Колпашево Нарымского края. 30 апреля 1932 — освобождена из ссылки с ограничением проживания в 6 крупнейших городах и пограничных областях сроком на 3 года. С августа 1932 — проживала в Рыбинске, с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована по групповому делу католического духовенства. 16-19 ноября 1935 — на закрытом судебном процессе в Воронеже была оправдана и 27 ноября освобождена из тюрьмы. С октября 1936 — проживала в Малоярославце; осенью 1942 — выехала в с. Ново-Шульба Семипалатинской области к ссыльной и тяжело заболевшей сестре-монахине Стефании Городец. 11 февраля 1944 — скончалась в с. Ново-Шульба.

КУГЕЛЬ Минна (Тереза) Рахмиэловна, родилась в 1912 в Московской губ. В 1929 — окончила школу в Ярославле, вернулась в Кострому. Позднее познакомилась с сестрами-доминиканками, в 1931 — приняла католичество, в 1932 — выехала в Краснодар, пострижена в монахини с именем Тереза. 6 октября 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг. 16 ноября 1935 — освобождена из лагеря, поселилась в Брянске, с октября 1937 — в

Малоярославце, во время войны — в оккупации. 21 августа 1942 — арестована. 31 октября приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Темлаг. 25 марта 1947 — освобождена из лагеря, вернулась в Малоярославец, с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована за шпионаж в пользу Ватикана. 17 сентября 1949 — направлена на принудительное лечение в Казанскую спецбольницу. 15 октября 1952 — переведена в обычную психбольницу. С 1953 — после освобождения проживала в Вильнюсе, работала дворником на рынке, затем медсестрой в больнице. 2 декабря 1977 — скончалась в Вильнюсе.

КУЗНЕЦОВА Валентина (Антонина) Васильевна, родилась в 1897 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию. Проживала в Москве. Перешла в католичество; позднее пострижена в монахини с именем Антонина. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Инкино Нарымского. 9 мая 1927 — освобождена из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Костроме, с 1930 — в Одессе, затем в Краснодаре, позднее в Ставрополе, с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована по групповому делу. 16-19 ноября 1935 — на судебном процессе оправдана и освобождена. Проживала в Малоярославце. В 1941 — арестована, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1945 — освобождена и вернулась в Малоярославец; с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована по групповому делу за шпионаж в пользу Ватикана. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Ангарлаг. 14 июня 1956 — освобождена из лагеря досрочно, поселилась у сестры в пос. Лесной Калининградской, с 1958 — в Вильнюсе в квартире сестер-доминиканок. 9 октября 1989 — скончалась в Вильнюсе.

ОТТ Алиса Альбертовна, родилась в 1912 в Москве (отец, Отт А.А.; мать, Отт Алиса Бенедиктовна). Получила домашнее образование. Работала во французском посольстве; прихожанка храма Св. Людовика, пела в церковном хоре. Летом 1941 — арестована, благодаря вмешательству священника посольства США вскоре освобождена. 6 декабря 1947 — вновь арестована. В июле 1948 — следствие по ее делу было прекращено в связи с психическим заболеванием; отправлена в спецбольницу МВД на принудительное лечение. В 1960 — освобождена из больницы и выехала во Францию. 5 июля 1962 — награждена медалью "За Церковь и Первосвященника". 9 февраля 1991 — скончалась в Париже.

ОТТ Алиса Бенедиктовна, родилась в 1886 в Москве, французская подданная. С 1894 — отправлена во Францию на воспитание в монастырь в Лионе, получила там высшее образование. В 1903 — вернулась в Москву, в 1907 — вышла замуж за А. А. Отта, российского подданного (потеряла французское гражданство). Занималась домашним хозяйством и воспитанием дочери. С 1920 — староста храма Св. Людовика, с 1926 — работала в консульском отделе французского посольства, 6 декабря 1947 — арестована. 28 августа 1948 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Дубравлаг, в 1951 — переведена в Темлаг, в 1954 — в инвалидный лагерь на ст. Потьма (Мордовия). В 1956 — освобождена из лагеря досрочно и отправлена в ссылку. В 1958 — освобождена из ссылки и вывезена в Москву. В 1960 — выехала во Францию. 5 июля 1962 — награждена медалью "За Церковь и Первосвященника". 5 мая 1969 — скончалась в Париже.

РУБАШОВА Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна, родилась в 1909 в Москве. В 1920-х — студентка МГУ. В апреле 1926 — приняла католичество, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Сиенская, участвовала в тайных богослужениях на квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1936 — освобождена и выслана в Мичуринск, работала в ботаническом саду. Летом 1939 — освобождена и выехала в Малоярославец, вошла в общину сестер-доминиканок. В мае 1944 — выехала в с. Ново-Шульбу Семипалатинской для помощи сестре общины, работала в школе. С 1947 — вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в Карлаге. В мае 1956 — освобождена, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке, позднее на пенсии. 12 мая 1987 — скончалась.

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович, родился в 1885 в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1916 — литератор и научный работник, преподавал также греческий язык и греческую литературу в университете.

Учился в православной духовной академии, в 1916 — был рукоположен и с 1919 — служил в Саратовской области. В 1920 — на Рождество принят в лоно Католической Церкви, но сомнения в правильности выбора привели к тому, что в 1922 — он вернулся в православие. В 1923 — вновь перешел в католичество, с 1926 — вице-экзарх русских католиков; без регистрации совершал богослужения в костеле и нелегально на квартирах. 15 февраля 1931 — арестован по групповому делу (по причине нервного расстройства подписал тяжелые обвинения против себя и общины). 18 августа 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой на высылку в Казахстан. 7 октября 1931 — направлен в психиатрическую больницу; 23 октября выдан родственникам. 2 марта 1942 — скончался в Казани.

СОФРОНИЦКАЯ (урожд. Тучинская) Ирина Ивановна, родилась в 1920. Племянница митрополита Сурожского Антония (Блума). Получила высшее образование. Научный сотрудник Музея А. Н. Скрябина. В 1948 — арестована по групповому делу, в 1949 — осуждена (?). После освобождения вернулась в Москву, научный сотрудник Музея А. Н. Скрябина. Вышла замуж за Александра Владимировича Софроницкого, астронома, математика и педагога.

ФЕДОРОВ Леонид (Леонтий) Иванович, родился в 1879 в Санкт-Петербург. Окончил классическую гимназию, учился в православной духовной академии в Санкт-Петербурге, оставил ее после третьего курса; заинтересовался католичеством, выехал во Львов, был сердечно встречен архиепископом Андреем Шептицким, затем выехал в Рим; 31 июля 1902 — воссоединился там с Католической Церковью. В 1907 — окончил Папскую иезуитскую коллегию в Ананьи под Римом, позднее учился в Коллегии при Конгрегации распространения веры. Вынужден был перебраться в Швейцарию, окончил университет во Фрейбурге (Швейцария). Вернулся во Львов, с 1909 — ректор и профессор в духовной семинарии ордена студитов. 25 марта 1911 — рукоположен, служил во Львове. В 1912 — выехал в Боснию, служил в монастыре студитов как монах Леонтий. В 1914 — вернулся в Санкт-Петербург; выслан царскими властями в Тобольск под строгий надзор полиции. В 1917 — после Февральской революции освобожден и вернулся в Петроград. Служил настоятелем церкви русских католиков Сошествия Св. Духа, руководил монашеской общиной Св. Духа; назначен экзархом католиков восточного обряда в России, в феврале 1921 — утвержден Папой Римским. 21 октября 1922 — арестован в Петрограде; освобожден в тот же день. 23 февраля 1923 — арестован по групповому делу. 21-26 марта 1923 — приговорен к 10 годам тюремного заключения. Наказание отбывал в Лефортовской и Сокольницкой тюрьмах Москвы. 26 апреля 1926 — освобожден досрочно с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился в Калуге. 10 августа 1926 — арестован, 18 сентября приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 13 августа из лагеря освобожден и выслан в деревню под Пинегой Архангельской области. В начале 1931 — арестован, шесть месяцев провел в тюрьме; осенью освобожден и выслан на 3 года в Котлас Архангельской области. В конце 1933 — из ссылки освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12). С января 1934 — поселился в Вятке. 7 марта 1934 — скончался там.

ХМЕЛЕВА Вера (Мария Роза Лимская) Александровна (по некоторым документам, как отмечает А. Соколовский, ее отчество Аркадьевна), родилась в 1891 в Вологодской губ., в дворянской семье (год рождения указан в материалах следственного дела 1933 года). Окончила Московский университет. Проживала в Москве, работала в музее. Перешла в католичество, вступила в Абрикосовскую общину монахинь-доминиканок; пострижена в монахини под именем Мария Роза Лимская, стала наставницей postulatoк и новицаток. 13 ноября 1923 — арестована в Москве по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Мужы Тобольского края. В 1926 — вышла замуж, нарушив монашеский обет; в ссылке родила дочь, вскоре вдова (муж трагически погиб). 9 мая 1927 — освобождена из ссылки с запретом проживания в 6 крупнейших городах и пограничных областях сроком на 3 года. В 1929 — ей разрешено свободное проживание. Проживала в Москве, в ночь с 8 на 9 октября 1933 — арестована по групповому делу русских католиков (вынуждена была дать подробные показания на сестер-монахинь и подписать все обвинения, помня о малолетней дочери, оставшейся сиротой). 10 января 1934 — приговорена к 3 годам ссылки и с января 1934 — находилась в Горьковской области. 29 апреля 1934 — освобождена из ссылки досрочно с разрешением свободного проживания. Вернулась в

Москву, в 1944 — выехала в Казахстан, с 1956 — проживала в Москве; в 1965 — скончалась там (точная дата смерти неизвестна).

ШАРОВА Маргарита Сергеевна, родилась в 1921 в с. Оржевке Тамбовской губ. С шести лет обучалась дома немецкому языку, с одиннадцати лет — английскому; с девяти лет няня тайно водила ее в костел. В феврале 1943 — окончила исторический факультет МГУ, поступила в аспирантуру. С 10 сентября 1942 — стала посещать храм Св. Людовика, 24 сентября приняла католичество (информацию об этом поступила в ректорат университета). 29 июня была поставлена перед выбором — «*либо костел, либо аспирантура*». В ответ твердо заявила: «*Для себя я давно уже сделала выбор*». 10 августа отправлена с группой студентов на "трудовые работы" в совхоз под Шатурой. 28 июня 1943 — арестована, 12 февраля 1944 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Красноярск, затем — в совхоз в Дзержинский район в 100 км от Канска. В ноябре выехала в Канск, с лета 1947 — в Красноярске. В 1948 — освобождена, выехала в Москву, не получив прописки, выехала в Ярославль, работала лаборантом на кафедре всеобщей литературы университета. 23 марта 1949 — уволилась и выехала в дер. Медведичи под Барановичами. В сентябре 1949 — после получения прописки в Москве поступила на вечерний факультет МГПИИЯ имени Мориса Тореза. С сентября 1954 — после окончания института преподавала французский язык в школе. С 1960 — работала главным библиографом в Библиотеке иностранной литературы, в 1981 — вышла на пенсию.

ЭЙСМОНТ Софья (Филомена) Владиславовна, родилась в 1900 в Вильно. Проживала в Москве. Окончила гимназию, поступила в консерваторию. Летом 1923 — перешла в восточный обряд и вступила в общину монахинь-доминиканок. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Обдорск Нарымского, работала машинисткой в конторе. 9 мая 1927 — освобождена с запретом проживания на 3 года (-6). Проживала в Краснодаре, давала частные уроки музыки. 22 июля 1929 — пострижена в монахини с именем Филомена. Осенью 1930 — выехала в Одессу, затем — в Смоленск, с 1931 — в Москве, работала машинисткой в банке, с марта 1933 — в Рязани. 15 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг, со 2 февраля 1935 — в Ухтпечлаге, с 1938 — в Воркутлаге. 23 июня 1942 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Куйбышевской области, с 1943 — в Уральске, с марта 1947 — в Малоярославце, с апреля 1947 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг; позднее — в Ангарлаг. 3 ноября 1954 — освобождена досрочно и выслана в Казахстан. 26 мая 1956 — освобождена досрочно, выехала в мест. Майшогиала под Вильнюсом к сестрам-доминиканкам, позднее — в Вильнюсе. 25 февраля 1993 — скончалась в Вильнюсе.